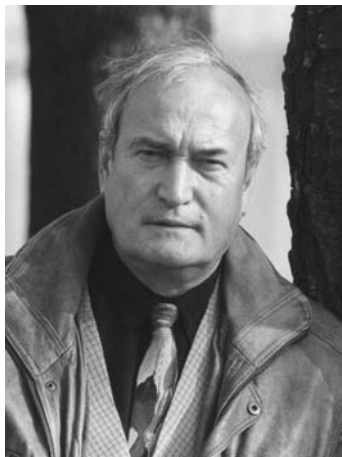

ЮРИЙ ХРЕНОВ

ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ НАРОД...

ОДА ОКРАИНАМ

Есть провинция. Есть окраины:
Им провинция не чета.
Люд шевелящийся, отчаянный —
Вот окраин страны черта.
Говорят, что сильна провинцией
От рождения наша Русь.
Ерунда! С этой притчей в принципе
Никогда я не соглашусь.
Над провинцией зори тихие,
Залегла она меж болот.
Солнце звонкое и великое
Над окраинами встаёт!
И такое вот разумение
Надо тоже принять в расчёт:
Кто в провинции? — население,
На окраинах кто? — народ!
Шли из центра страны удалые —
Раздвигали её вовне.
Износившиеся, усталые
Оседали жить в глубине.

ХРЕНОВ Юрий Алексеевич родился в 1940 году в Грузии. После школы работал слесарем на заводе, служил на флоте. Окончил факультет журналистики МГУ, работал в Агентстве печати "Новости", газете "Известия". В настоящее время — главный редактор журнала "Российская Федерация сегодня". Живет в Москве.

Оттого у нас ширь бескрайняя —
(Не какой-нибудь Люксембург!),
Что построил Пётр на окраине
Замечательный Петербург.

7 НОЯБРЯ

С утра сегодня дождь и снег,
В беспамятстве природа.
Но постигает человек
Себя как часть народа.

На демонстрацию идёт
Плечом к плечу сплотиться.
Как хорошо, что есть народ,
С которым можно слиться!

Не красный лист календаря,
Но было, было, было!
Про день 7 Ноября
Россия не забыла!

Звучит призыв, гремит оркестр,
Чеканят шаг колонны.
Нас много здесь из разных мест,
А вместе — миллионы!

Уже прошла пора тех дней,
Когда хотелось воли,
Рука в руке — чуть-чуть теплей,
Плечо к плечу — тем боле.

“День примиренья...” Что за бред!
С кем надо нам мириться?
С Гайдаром? Нет! С Чубайсом? Нет!
Кому такое снится?

...На подоконниках цветы
Ещё цветут, как летом.
Но за порог выходишь ты
По-зимнему одета.

И есть особый шик и шарм
В том, как не по сезону
Ты поручаешь ветру шарф,
Спеша догнать колонну.

* * *

Расказачили казаков
В девятнадцатом году.
Троцкий Лейба, Свердлов Яков,
Как горится вам в аду?

За невинно убиенных,
За поруганную честь
В царстве огненной геенны
По заслугам место есть?!

Изрубили, искололи,
Оттеснили за кордон,
Эшелонами в неволю
Увезли Кубань и Дон,

Сапогом втоптали в глину...
Но! всем бедам вопреки,
В сорок пятом по Берлину
Гарцевали казаки!

* * *

Да, русский я! Хоть мать — хохлушка
И есть в родне у нас узбек.
Всего лишь айсберга верхушка
Любой живущий человек.

Что было там, во тьме веков,
Какая кровь ещё вливалась
В ту, что от наших стариков
Нам при рождении досталась?

Я помню, кто-то говорил —
И, видно, был не глупый парень:
Любого русского потри —
И в нём отыщется татарин.

А если глубже заглянуть
И вспомнить про Адама с Евой,
От коих все мы держим путь,
То выйдет: родственники — все мы!

И африканец чернокожий,
И желтокожий азиат,
И уж тем более — о, Боже! —
Араб с евреем — брату брат!

РУССКИЙ КРЕСТ

Всё меньше нас. Их тьмы и тьмы,
Идущих с юга и с востока,
В страну, где убываем мы
По воле случая и рока.

Рок беспощаден, случай слеп.
За что-то нас Господь карает.
Похоже, русский человек
Свое на свете отживает.

Идут другие племена:
Заменят нас, а мы — исчезнем,
Чужим преданиям и песням
Оставив наши имена.

Всё меньше нас. На миллион
Мы убываем в среднем за год
С тех пор, как помогает Запад
Нам строить жизнь на свой фасон.

Нет ни холеры, ни войны
И, вроде, нет неурожаев.
Но что-то бабы не рожают —
И опустело пол-страны.

Лихие были времена
У нас и раньше. Но звучало:
“Вставай, огромная страна!” —
И было так: страна вставала.

Вставала. Поднималась вновь,
С надеждой напрягая силы.
И крепче, чем перед войной,
Всегда опять была Россия.

Но что-то треснуло у нас,
Сломалось в русском человеке.
Случилось это в прошлом веке
И продолжается сейчас.

Нет ни холеры, ни войны,
Но мор идет по нашим весям.
А мир вокруг для многих тесен
И наши веси им нужны.

Всё меньше нас. Их тьмы и тьмы.
Они идут на нашу землю.
Мы их по-дружески приемлем,
А что другое можем мы?

ПОБЕГ ИЗ МОСКВЫ

Прощай, Москва. Светла моя печаль.
Настанет день — я за побег отвечу.
Когда опять шагну тебе навстречу,
Ты перемен во мне не замечай,
А привечай, как раньше привечала,
Измучай ожиданием сначала,
Потом разбавь вокзальной толпой,
Но дай понять, что я остался твой.
И снова поведи и дай оглохнуть
От тишины своих колоколов,
С ума сведи, дай в горле пересохнуть
От недостатка самых нежных слов,
Которые тебе принадлежат.
Прощай, Москва! Мне надо уезжать
Туда, где голубей и дольше вечер
И медленней и проще разговор,
Где море глянет на меня в упор
И волнами обнимет мои плечи.
Когда я тишине его внимаю
Или валюсь на палубу без чувств,
Я у него открытости учусь
И доброту его перенимаю.
Мы снова долго были с ним в разлуке.
Оно зовёт, и я к нему спешу,
Издаю протягиваю руки,
Волнением ожидания дышу.

О море! Ты уже гремишь под кожей,
Твоей волной уже охвачен я.
Прощай, Москва! Я снова с ним. И всё же
Ты не ревнуй: у вас игра ничья.
Настанет день: повеет ветер с юга,
На север развернутся облака.
И вспомню я: есть у меня подруга,
И заспешу к тебе издалека.
Скорей, скорей бегите километры,
Кружитесь, горы, степи и леса!
И я вернусь к тебе с попутным ветром,
Опередив рассвет на полчаса.
Его мы встретим вместе у Арбата,
А захочу — у самых стен Кремля,
Где по-особому земля поката
И башни, как надстройки корабля.
Куда летишь ты, наш корабль Россия?
Скажи, в какие дали торишь путь?
Кто у руля — свои или чужие?
Прощай, Москва. До встречи.
Не забудь!